

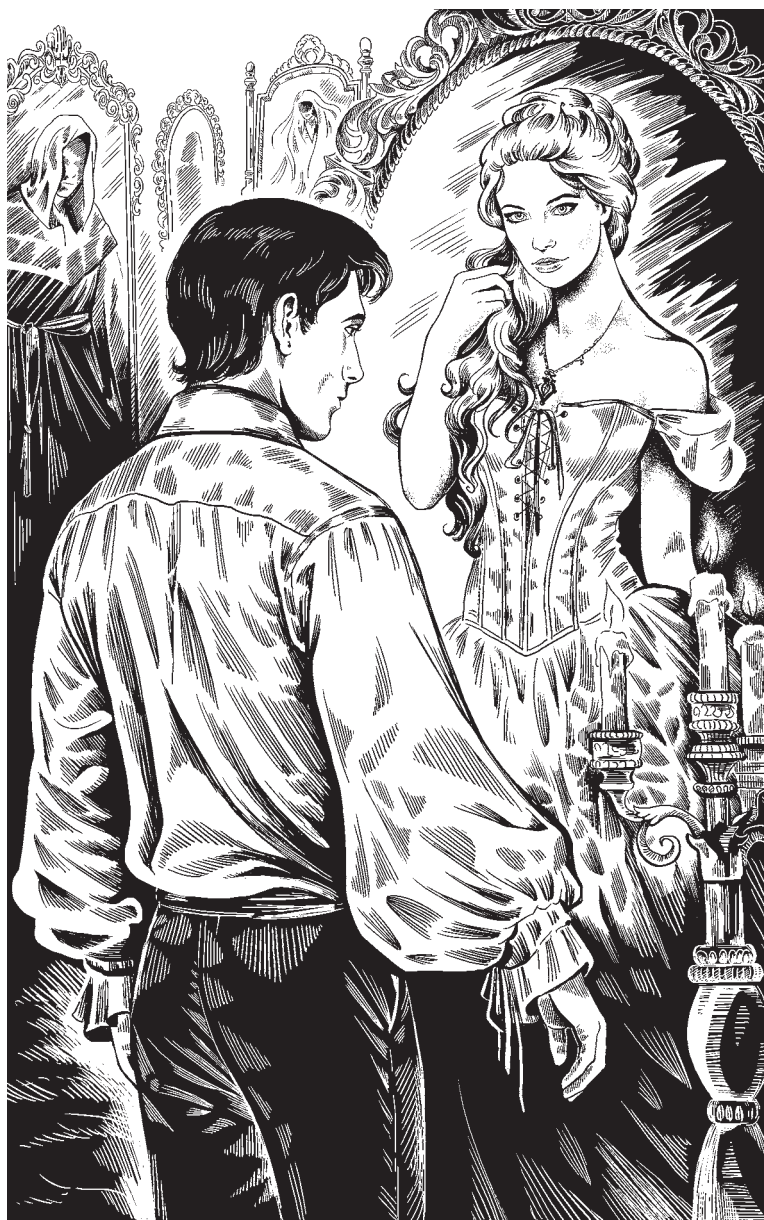
Валерия Чернованова

ИЗБРАННИЦА СТРАЖА МГЛЫ

В соавторстве с Мариной Эльденберт

МЕЖМИРОВАЯ няня, ИЛИ АЛМАЗНЫЙ КОРОЛЬ И Я

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерия Чернованова

Избранница стража мглы

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2019
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-49

Серия основана в 2011 году
Выпуск 457

Художник
Е. Никольская

Чернованова В. М.

Ч-49 Избранница стража мглы: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2906-6

Выйти замуж, если тебе немного за двадцать, — небывалая удача. Выйти замуж за стража — удача вдвойне. Я, Александрин ле Фиенн, не искала такого счастья, но однажды счастье (сомнительное, как оказалось) само постучалось мне в дверь.

И вот теперь я невеста самого могущественного колдуна Вальхейма, покорителя демонов и женских сердец. В любовь которого я не верю, хоть сама влюбляюсь в него постепенно. Но это не помешает мне докопаться до истины и выяснить, зачем я понадобилась мессире стражу. Надеюсь только: истина эта не будет слишком пугающей и впереди нас ждет счастливый конец.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чернованова В. М., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2906-6

ПРОЛОГ

Высокий темноволосый мужчина вошел в подземный зал, где в своих клетках, зачарованных зеркалах, томилась тень. Узники Альнеи встретили его приглушенным шепотом, тихим смехом, невнятными мольбами. Приблизившись к одному из зеркал, страж коснулся позолоченной рамы и не отнимал руки, пока по зеркальной глади не заструились, мерцая, колдовские символы, а на смену им из белесого марева проступили очертания женской фигуры. Когда туман рассеялся, взору стража явилась та, что уже давно жила в его мыслях, владела его сердцем.

— Никак соскучился по мне, милый? — Женщина потянулась, мягко, с кошачьей грацией, и прильнула к зеркальной глади. Провела ладонью по такой хрупкой на вид преграде и промурлыкала: — Мой любимый муж, маркиз де Шалон дю Ноайли, я тоже по вам скучала.

Страж молчал, неотрывно глядя на рыжеволосую красавицу. Сегодня она предстала перед ним во фривольном шелковом платье. Обнаженные плечи, узкий корсаж, подчеркивающий тонкую талию и пышную грудь, в ложбинке которой поблескивал кулон из турмалина. Такой же зеленый, как и ее глаза.

Еще совсем недавно красоту Серен воспевали все трубадуры Вальхейма. Еще совсем недавно... она была жива.

— Не желаете меня освободить, сударь? — игриво повела плечиком кокетка. — Мне одной здесь так одиноко. Так тоскливо, — по-детски надула и без того пухлые губы. — Да и вам, судя по вашей постной физиономии, тоже живется несладко. Я бы с удовольствием скрасила ваше унылое существование. Только освободи, — посмотрела на стража с плохо

скрываемым нетерпением. — Освободи меня, мой милый Моран.

Мужчина грустно усмехнулся.

Темная сущность его покойной жены. Прекрасная с виду и ужасающая внутри. Сколько раз Моран готов был поддаться искушению и уступить уговорам. Тени в зеркалах умели искушать, могли с легкостью затуманить разум.

Именно потому стражам запрещалось бывать в Альнее. А он, рискуя всем, уже не раз нарушал этот запрет. Лишь бы увидеть ее снова.

Обмануть себя хотя бы на несколько коротких минут.

— Я освобожу. Но не тебя. Ее, — тихо проронил он, любуясь женой.

Вернее, той, что была так на нее похожа.

— Ты еще безумнее своего отражения, страж! — расхохоталась первая красавица Вальхейма. — Безумнее всех нас!

Тени в зеркалах, будто соглашаясь с ней, возбужденно зашептались. Захихикали и заскреблись, со злостью и отчаянием царапая когтями зеркальную поверхность своих темниц.

Шелк платья постепенно истаивал, превращаясь в изумрудную дымку, не способную скрыть манящие изгибы столь желанного для стража тела.

— Цена такого колдовства может быть очень высока. Да ты и сам это знаешь. — Мгновение — и от наряда не осталось и следа. Девушка соблазнительно выгнулась, завела руки за спину, упиваясь своей властью над мужчиной.

Словно зачарованный, Моран шагнул ближе, желая ощутить тепло ее нежной кожи, пропустить сквозь пальцы медовые локоны жены.

Сознание заполнял вкрадчивый, едва различимый шепот:

— Тебе не нужен никто, кроме меня. Освободи меня, любимый...

— Моран!

Страж встрепенулся, услышав за спиной громкий оклик, и спешно отдернул руку от зеркала, тотчас подернувшегося рябью. Ангельское личико девушки исказилось гримасой злобы и разочарования.

— Тебя не должно быть здесь. — Заметив, что с маркизом что-то не так, Касьен нахмурился и ускорил шаг. — Ты только зря себя изводишь. Она — не Серен. Зачем нарушаешь правила? Рано или поздно ее все равно придется отпустить.

— Сделал то, о чем я тебя просил? — проигнорировав увещевания друга, мрачно проговорил Моран.

Страж бросил на пленницу последний взгляд. Из искусительницы в одно мгновение та превратилась в мегеру и теперь с отчаянием билась о магическую преграду, отделяющую ее от мира живых. Мужчина приложил ладонь к символу, мерцавшему на раме, и исходящее яростью отражение заволокло туманом.

— Сделал, — буркнул шевалье де Лален, не преминув заметить: — Хотя я в сводницы не нанимался. И вообще, почему тебя интересуют только кухни Серен? Жениться на родственнице покойной жены — это прямо извращение какое-то, тебе не кажется?

— Имена, — потребовал страж, не склонный сегодня к душевным беседам.

Недовольно покосившись на молочного брата, Касьен принялся перечислять потенциальных претенденток на титул маркизы де Шалон.

— ...И последние: Лоиз и Соланж ле Фиенн. У обеих довольно заурядные способности. К тому же бедны как церковные мыши. В общем, ничего особенного. Мадемуазель Анаис де ля Шор, как по мне, самая подходящая для тебя партия. Не красавица, как Серен, зато...

— Помнится, у барона ле Фиенн были еще дочери, — перебил друга Моран, перебирая в памяти лица и имена ближайших родственников супруги.

Провожаемые несмолкающим перешептыванием теней, мужчины вышли из зала и по узкому, едва освещенному коридору направились к лестнице, что вела из подземелья.

— Старшая, Маржери, уже год как замужем. А средняя... — Касьен замолчал. Вздыхнул печально и выразительно покачал головой.

— Что с ней не так? — усмехнулся де Шалон. — Хрома, слепа или, быть может, тоже толстуха, как мадемуазель Анаис, которую ты все пытаешься мне сосватать? — вспом-

нил-таки страж, кто такая эта де ля Шор, и тут же мысленно вычеркнул ее из списка невест.

— Хуже, — состроил скорбную мину шевалье. — Александрин ле Фиенн — пустышка. В ней не проявилось ни капли родовой магии.

Немалых усилий стоило маркизу сдержать нахлынувшее на него чувство радости. Родственница Серен, да еще и не владеющая магией! На такую удачу он даже не смел надеяться.

— Невозможно, — ошарашенно прошептал де Шалон.

— Почему невозможно? — удивился Касьен, не догадывавшийся о мыслях друга. — Александрин — досадное недоразумение. Редкость, конечно, среди дворян, но все же... — Шевалье де Лален задумчиво потеревил клинышек своей жиденькой бородки — жест, свидетельствующий о том, что он находится в раздумьях, — и глубокомысленно заключил: — Бедный барон ле Фиенн. Такое пятно на их славном семействе!

Моран толкнул тяжелую, окованную железом дверь и довольно зажмурился, ослепленный ярким весенним солнцем.

— Чего это ты разулыбался? — окончательно сбитый с толку странным поведением друга, недоуменно пробормотал Касьен. Еще минуту назад маркиз хмурился, был мрачен и молчалив — обычное его состояние, а теперь, казалось, готов был прямо здесь, перед святилищем, сплясать ригодон.

— Рад переменам, друг мой. Скорым переменам в жизни, — с мечтательным видом проговорил Моран.

— Заинтересовала какая из девушек? — с облегчением спросил шевалье, радуясь, что время скорби по маркизе скоро закончится и де Шалон наконец выберется из своего траурного кокона. — Можно устроить бал и пригласить их всех. Познакомишься, присмотришься...

— В этом нет необходимости, — оборвал друга страж. — Я уже все решил. Моей избранницей станет — как ты сказал? — досадное недоразумение.

Заметив, что Касьен застопорился, огорошенный его словами, Моран обернулся и воскликнул весело:

— Ты что, здесь корни решил пустить? Поехали скорей! Хочу уже сегодня обрадовать барона и его пустышку-дочь.

ГЛАВА 1

— «...Пленившись красотой земного юноши, пресветлая Витала снизошла с небес, дабы забрать возлюбленного с собой в райские чертоги. Но сердцем молодого человека уже владела другая, и он отверг любовь Единой. Разгневавшись, богиня низринула его в бездну. Так появился первый демон мглы. Мира, которым и по сей день правит претемный Морт — бог смерти и кошмаров». — С трудом подавив зевок, я перелистнула страницу одного из наинуднейших талмудов, когда-либо созданных летописцами былых времен.

«Сказания о пресветлой Витале, Создательнице неба и земли, Повелительнице стихий и жизни» — гласило тиснение на выдавшем виды переплете. Некогда золотое, а теперь почти неразличимое.

Данный опус, а также подобные ему не менее скучные книженции денно и ночью штудировали в монастырях девицы из благородных семей. К счастью или нет, но ни я, ни Соланж с Лоиз в Сент-Луази не попали. Папа́ просто было нечем платить монахиням за наше с сестрами содержание. Тех крох, что оставались после уплаты королевского налога и сеньориальной ренты, едва хватало на жизнь. А наследство дедушки, покойного барона ле Фиенн, ушло на обучение сначала Флавьена в коллеже стихий, потом — после того как брата удалось пристроить в королевский флот, — Маржеру в монастыре.

Стремясь вложить в умы младших чад хотя бы толику знаний, родители решили, что было бы неплохо нам самим заняться своим образованием. Каждый вечер мы собирались в гостиной для чтения «мемуаров» Единой и прочих бесполезностей.

Разумеется, своим мнением о хранившихся в домашней библиотеке книгах я ни с кем не делилась, дабы не шокировать дерзким вольнодумством почтенное семейство. Мама́ во время наших занятий устраивалась в своем любимом плетеном кресле с не менее любимым рукоделием, папа́ усаживался поближе к очагу, не способному согреть после затянувшейся зимы просторное, пронизанное сыростью, дышащей из всех щелей, помещение. Даже гобелены, закрывавшие стены, не спасали от холодов. За долгие годы ткань истончилась, узоры на ней поблекли. Ветхие тканые полотна являлись немым напоминанием о том, каким великим был некогда род ле Фиенн и что от него осталось. Лишь клочок земли, отданной испольтцам, да старый особняк, полный призраков счастливого прошлого и изъеденной временем мебели.

Пока глава семейства коротал время у огня, сначала сосредоточенно набивая трубку табаком, потом испуская вонючие миазмы или задумчиво посасывая длинный черешневый чубук и при этом безнадежно вздыхая, мы с близняшками читали друг другу вслух. Сегодня была моя очередь. С горем пополам преодолев первые три страницы о похождениях неугомонной богини, я уже отчаянно зевала. А Соланж так и вовсе клевала носом.

— Мама́, почему Единая не успевала менять любовников, а мы, ее дочери, всего один раз в жизни имеем право сходить замуж? — с таким скорбным видом произнесла Лоиз, что я не сдержала улыбки.

— Не переживай, ты и раза не сходишь! — хмыкнула Соланж, опередив уже готовую вознегодовать баронессу, и по-детски показала сестре язык.

После чего близняшки дружно повернули головы в мою сторону и надулись, точно бурундучки.

Я нервно захлопнула потрепанный томик. Разве моя вина, что в Вальхейме существует немало глупых традиций, уже давно изживших себя?! По одной из них младшие дочери не имеют права выходить замуж до тех пор, пока дом не покинут старшие. В нашем случае читай — никогда. Кому захочется породниться с пустышкой вроде меня? Да еще и из

обедневшей, пусть и дворянской, семьи. А главное, двадцать четыре года — немного поздновато для начала семейной жизни. Я уже давно записала себя в старые девы и даже смирилась с тем, что навсегда останусь в родных пенатах. Значит, на то воля нашей не в меру ветреной и любвеобильной богини.

Но вот смириться с тем, что являюсь невольным препятствием на пути сестер к счастью (после замужества Маржериты они словно с ума посходили и только и думают о том, как бы поскорее выскочить замуж), не смогу никогда.

— Что за глупости, Лоиз, лезут тебе в голову! — запоздало возмутилась ее милость и, беря пример с близняшек, обиженно буравящих меня взглядами, тоже покосилась в мою сторону. Неодобрительно покачала головой.

Порой мне кажется, случись со мной какое несчастье — и сестры вздохнут с облегчением. Для них я досадная преграда, которую никак не получается преодолеть.

С каждым годом шансы пристроить меня в хорошие (или не очень) руки уменьшались. Уверена, мамá с радостью сбавила бы меня первому встречному. Главное, чтобы у него имелся хоть какой-нибудь, даже самый завалющийся титул и я не опозорила наше славное семейство еще больше.

Если такое вообще возможно.

И маменька, и сестры как-то быстро позабыли, зачем мы здесь собрались, и все свелось к злободневной теме: я — негодный товар на рынке невест.

— Если бы ты, Ксандра, не была такой ледышкой, сумела бы приворожить того милого шевалье из Тарта.

Под «милым шевалье» подразумевался плешивый месье Бошан «слегка» за пятьдесят — дальний родственник маман, всю прошлую осень гостивший у нас в Луази. Сколько же мне пришлось выдержать похотливых взглядов и выслушать сомнительных комплиментов в свой адрес! А однажды чуть не спустила этого молодящегося павлина с лестницы, когда он попытался облизывать мне щеку поцелуем.

Не спустила лишь потому, что в тот момент из кабинета показался папá и взял на себя все хлопоты по выставлению наглеца из дома.

— Желаю тебе, дорогая Лоиз, встретить такого же *милого шевалье*, — не сдержавшись, огрызнулась я.

— Какая же ты все-таки эгоистка, Ксандра! — взвизгнула Соланж.

— Еще какая! — воинственно поддержала сестру Лоиз и с негодованием тряхнула рыжими кудряшками, обрамлявшими ее узкое, сейчас искривленное в гримасе обиды личико. — Маржерит на твоём месте не стала бы воротить нос, а радовалась бы вниманию месье Бошана. А ты думаешь только о себе! Ну точно эгоистка! — захлебывалась возмущенно младшенькая.

В воздухе ощутимо запахло бурей. Оставаясь верным самому себе, его милость спешно поднялся. Пробормотав что-то невразумительное про срочные дела, о которых он запытался и вдруг так удачно вспомнил, поспешил ретироваться. Однако не успел сделать и несколько шагов, как с улицы послышалась дробь лошадиных копыт по насыпной дорожке, ведущей к особняку.

— Кто бы это мог быть? — вскинулась Лоиз.

— Так поздно, — подхватила Соланж, и обе рванулись к окну, опередив баронессу лишь на долю секунды.

Переглянувшись, мы с отцом отправились встречать нежданного гостя. Выйдя на крыльцо, я поплотнее закуталась в шаль, почувствовав, как мурашки побежали по коже. То ли от холода, то ли от вдруг охватившего волнения: всадник, стремительно приближавшийся к нам на вороном скакуне, вез с собой перемены.

— Надеюсь, хорошие, — чуть слышно прошептала я, глядя на вырисовывающуюся в сумерках фигуру в темном плаще, развеваемом холодным весенним ветром.

Спешившись, мужчина коротко приветствовал нас и изобразил быстрый поклон. После чего извлек из кожаной сумы, притороченной к седлу, письмо и протянул его барону. Заметила, как папа напрягся, принимая от гонца послание, скрепленное печатью и украшенное по углам вычурными вензелями. В сумерках инициалы было не рассмотреть.

Пальцы барона предательски дрогнули, и он поспешил прижать письмо к груди. Вежливо поблагодарил посланника, а тот, снова поклонившись, прыгнул в седло и был таков.

— Если это от сборщика налогов... — Голос отца дрожал не меньше, чем его рука пару мгновений назад.

— Тогда бы месье Флабер приехал сам лично, — мягко коснулась я родительского плеча и ободряюще улыбнулась. — Пойдемте в дом. Пока кое-кто не умер от любопытства.

Его милость чуть слышно хмыкнул, заметив прилипшие к окну любознательные мордашки близняшек и изнывающую от нетерпения баронессу. Степенно прошел в дом, все так же не спеша пересек гостиную, явно испытывая на прочность нервы супруги. Опустившись в глубокое кресло с истертой до дыр обивкой — кажется, некогда это был глаzet, — папá надломил печать, развернул письмо и, поднеся листок к неровному пламени очага, принялся читать. Как назло, про себя.

Близняшки сгрудились у него за спиной, мамá согнулась в три погибели, не желая ждать, когда супруг закончит чтение и передаст письмо ей. Я отошла в сторону, так как свободного места возле кресла уже не осталось.

Нáрочные к нам приезжали нечасто и зачастую с плохими известиями, поэтому родителям так не терпелось выяснить, что же стряслось на сей раз. Ну а младшенькие просто изнывали от скуки и пытались как могли разнообразить свой досуг.

Когда баронесса тоненько вскрикнула и пошатнулась, словно собиралась упасть в обморок, я зажмурилась, готовясь к худшему. Главное, чтобы с Флавьеном ничего не стряслось! И с Маржерей и ее месячным младенцем никакое несчастье не приключилось.

Последовавшее за сим восклицание маменьки огорошило меня и на какое-то мгновение ввело в замешательство.

— Пресветлая Витала! Чудо чудесное! Александрин, девочка моя любимая! — А в следующий миг меня уже целовали и тискали в объятиях, чего, в принципе, никогда не случалось. Нет, конечно же случалось в далеком-предалеком детстве. Еще до обряда инициации, возвестившего всем, что во мне не проявилось ни капли силы.

— Папа? — Высвободившись из крепких материнских объятий, я растерянно посмотрела на отца, потом на близняшек.

Глаза у обеих сияли, щеки раскраснелись, они пялились на меня так, будто видели впервые в жизни, и на губах у обеих играли глуповато-счастливые улыбки.

Отец же хмурился и то и дело бросал на послание, что до сих пор сжимал в руках, мрачные взгляды.

— Что случилось?

— Счастье-то какое! — взволнованно повторяла баронесса, меряя гостиную шагами. — Мессир де Шалон просит твоей руки, дорогая. Какое счастье...

— Что?! — Я чуть не подавилась собственным восклицанием и, позабыв о манерах, выхватила у отца мессирские караули.

Впрочем, никакие это были не караули, а красивые, с вычурными завитушками буквы, складывавшиеся в слова, а те в свою очередь — в абсурдные фразы.

Его светлость просил... Хотя какое там просил! Ставил перед фактом, что отныне я — его невеста и должна через неделю явиться в Валь-де-Манн, родовое имение стража.

— Ох, Ксандра, только не говори, что ты и ему откажешь! — всполошились сестры, заметив, что я не визжу от счастья и не подскакиваю, словно гуттаперчевый мячик, до потолка.

— Конечно же не откажет! Что за вздор вы несете? — устав наматывать круги по комнате, маман упала в кресло-качалку.

— Но почему я? — В горле пересохло от волнения и, кажется, страха.

Признаюсь, от мыслей обо всех этих стражах, потомках древних морров, некогда черпавших силу из мира мглы, меня брала оторопь.

Недаром же демоническое начало каждого стража заключают в зачарованном зеркале. Да, после такого обряда они слабеют, зато и риск меньше, что сила, унаследованная от предков — темных чародеев, со временем возьмет верх и сведет их с ума.

— Помню, помню, как он на тебя заглядывался на балу в Тюли, — причмокнула довольно баронесса и мечтательно зажмурилась, явно представляя, как в самом ближайшем будущем передаст меня из рук в руки его светлости и с чистой совестью вычеркнет проблемное чадо из своей жизни.

Младшенькие кивали в такт ее словам, словно два тианьских болванчика.

Я нахмурилась, перебирая в памяти немногочисленные выходы в свет, которые совершало наше дружное семейство. Бал в Тюли — родовом гнезде моей кузины Серен ле Круа де Шалон, стал одним из самых ярких моих воспоминаний. Такой роскоши я не видела никогда — ни до, ни после того сказочного вечера. Чувствовала себя серой мышкой по сравнению с разряженными в пух и прах гостями. Бархат, парча, алмазы — от окружавшего великолепия рябило в глазах. Но больше всего мне запомнилась встреча с хозяевами бала — маркизом и маркизой де Шалон.

От красоты Серен хотелось зажмуриться. Она ослепляла, завораживала всех без исключения. Недаром ее прозвали Огненным Цветком Вальхейма. Ее длинные густые волосы в бликах свечей действительно напоминали пламя, дикое, непокорное, как и их обладательница. Огонь горел и в ее колдовских зеленых очах. Супруг кузины был ей под стать. Статный красавец-страж. Жгучий брюнет с пронзительными черными глазами. И если в глазах жены маркиза можно было запросто утонуть, раствориться, то от его взгляда разило холодом и высокомерием.

Когда кузина трагически погибла, о ней скорбело все королевство. И вот по какой-то необъяснимой причине мне предстояло занять ее место, выйти замуж за этого напыщенного вдовца.

Мама́ утверждает, что чародей заприметил меня еще на празднике. Глупость, конечно. Помню, как мессир скользнул по мне и сестрам мимолетным, ничего не выражающим взглядом, проходя мимо под ручку со своей распрекрасной женой. Которую, говорят, любил до умопомрачения и становиться заменой которой мне совершенно не хотелось.

Зачем? Чтобы всю оставшуюся жизнь терпеть насмешки его приближенных и постоянно проигрывать ей в нелепом сравнении? Кто я и кто Серен! Могушественная чародейка — и никому не нужная пустышка.

Хотя нет, теперь уже нужная. Вот только непонятно зачем.

Похоже, отца посетили такие же мысли. Широкий лоб его избороздили глубокие складки — признак того, что его милость мрачен и задумчив и ничего хорошего не ждет от этого подарка судьбы.

Зато баронесса прямо светилась от счастья и сестры с ней за компанию.

— Мама́, а можно мы тоже поедem в Валь-де-Манн? — неожиданно спросила Соланж. Опустившись на колени возле кресла-качалки, взяла родительницу за руку и, умильно хлопая ресницами, заканючила: — Ну, пожалуйста... Вдруг мессир де Шалон окажется столь любезен, что позаботится и о нашей судьбе? У него ведь такие связи!

— Ах, я тоже хочу замуж за стража! — восторженно захлопала в ладоши Лоиз, придя в самый настоящий экстаз от идеи сестры.

А у меня от их бесконечной трескотни заломило в висках.

— Какая же ты у меня умненькая-разумненькая, — потрепала по щеке младшую дочь баронесса. — Решено! Поедем все вместе. Что скажете, ваша милость? — и так зыркнула на отца, что у того язык не повернулся ответить «нет».

Впрочем, как и всегда.

В который раз пробежавшись взглядом по коротенькому посланию, до боли закусилa губу. В чувства мессира к совершенно незнакомой девушке я не верила. Род ле Фиенн не был настолько знатен, чтобы породниться с маркизом, приближенным короля. Уже молчу о бедственном положении нашей семьи и своей ущербности.

А значит, нужно не торопиться давать согласие, как-то потянуть время и выяснить, зачем я понадобилась чародею.

Надеюсь только, что в процессе выяснения сестры не разделяются со мной по-тихому.

ГЛАВА 2

Пять дней в тесной скрипучей карете, вместе с родителями и вечно ссорящимися сестрами — то еще испытание. Даже созерцание зеленеющих рощ и нескончаемых виноградников, залитых ярким, но по-прежнему скупо греющим солнцем, не способно было отвлечь меня от этих ни на секунду не смолкающих трещоток.

С виду и не скажешь, что в прошлом месяце им исполнилось восемнадцать. Ведут себя как дети малые, грызутся по малейшему поводу.

Несмотря на то что у сестер одна внешность на двоих, характеры совершенно разные. Лоиз — копия маменьки, такая же вспыльчивая и, чего уж греха таить, вздорная. Их обеих хлебом не корми, дай кого-нибудь покритиковать или с кем-нибудь полаяться.

Соланж, в отличие от сестры, более уравновешенная. И этим она обязана отцу, магу земли. Земные колдуны в большинстве своем спокойные, даже в некоторой степени апатичные, предпочитают избегать конфликтов. Вот и Соланж чаще всего идет на поводу у командирши-сестры, но иногда в ней просыпается материнская кровь, и тогда спасайся, кто может.

Я в их сваргах, понятное дело, участия не принимаю, но куда деться, когда эти малолетние склочницы сидят напротив? Разве что сигануть в придорожные кусты из несущегося во весь опор экипажа, со свистом рассекающего утренний пьянящий воздух. Или перебраться к фореитору. Вот только, боюсь, его светлость будет несказанно удивлен, увидав свою невесту в роли кучера.

По словам отца, до усадьбы Валь-де-Манн оставалось меньше двух лье, а это значило, что уже совсем скоро я представлю пред ясные очи своего суженого.

Наверное, сестры потому и нервничали и пытались с помощью перебранки скрыть волнение, ведь наше путешествие (хвала Единой!) наконец подходило к концу. Я тоже не находила себе места. От беспокойства и «предвкушения» встречи с будущим мужем.

Как он нас примет? Не разгневется ли, что явились всем скопом? Соболаговолит ли объяснить, почему именно я удостоилась чести стать его избранницей?

С одной стороны, я была рада получить предложение руки и сердца и наконец перестать быть обузой для семьи. Тем более что предложение это (вернее, плохо завуалированный приказ) поступило от молодого красавца-стража. Сколько мессиру стукнуло? Тридцать три? Не такая уж большая между нами разница. Не то что с месье Бошаном, от одной лишь мысли о котором начинало тошнить.

С другой стороны... Не покидало ощущение тревоги, змеей вползшей в сердце в ту самую минуту, когда прочла письмо. Сколько ни пыталась понять, чем руководствовался маркиз, избирая меня в спутницы жизни, так и не смогла.

Может, погадал на кофейной гуще?

Вот пусть сегодня же меня и просветит. Утолит девичье любопытство, а заодно развеет сомнения. Потому как на сердце кошки скребут.

Чем ближе становилась судьбоносная встреча, тем сильнее я волновалась. Даже тихие переругивания близняшек больше не донимали. В нервном напряжении я искусила себе все губы. Не переставая мяла ленты плаща, глядя на проплывавшие за окном идиллические пейзажи, и каждой клеточкой своего тела ощущала пристальный взгляд матери.

Небось тоже задается вопросом, на кой демон я сдалась стражу.

Отец дремал, пристроив руки на объемистом животе, и громко храпел, отчего его пышные усы забавно шевелились. Проспал и каштановые рощи, мимо которых мы проезжали, и поля с зелеными шапками еще не зацветшей лаванды. Наверное, летом здесь потрясающе красиво. Не то что в нашем вечно сумрачном, дождливом Луази.

Его милость проснулся, громко всхрапнув, только когда карета остановилась. Близняшки захлопнули рты, маман резко выпрямилась, точно спицу проглотила, и вытянула шею, желая разглядеть и оценить будущие владения своей теперь уже обожаемой доченьки.

За изящными коваными воротами начиналась усадьба моего вроде как жениха. Широкая аллея уводила к белокаменному дворцу, прекрасному, точно из сказки, что в детстве читала нам наша кормилица Клодетт. Фасад, будто сотканный из облаков, таким он казался воздушным, с обеих сторон обрамляли ажурные башенки с темными глазами бойниц, носивших скорее декоративный характер, нежели предназначенных для защиты этой волшебной крепости. Острые шпили, золотом отливавшие в лучах солнца, пронзали лазурное небо. Пышная лепнина окаймляла окна и маленькие балкончики, а лестницы, напоминавшие две половинки идеального круга, разделенного пополам, убегали к парадному входу.

У дверей толпилась прислуга (не удивлюсь, если здесь к каждой комнате приставлено по служанке), а перед челядью, словно главнокомандующий армией, вышагивал нарядно одетый молодой человек.

Заметив, что я прибыла со своей собственной «свитой», месье удивленно дернул бровями, но тут же взял себя в руки и изобразил жизнерадостную улыбку. В два шага преодолев разделявшее нас расстояние, сдернул с русой, собранной в хвост шевелюры широкополую шляпу, галантно раскланялся, коснувшись земли синим перышком своего вычурного головного убора, и назваля:

— Шевалье Касьен де Лален, к вашим услугам, сударыни. Ваша милость, — отдельно поклонился моему отцу и коснулся губами заблаговременно протянутой для поцелуя руки маменьки. После чего обратился ко мне: — Мадемуазель ле Фиенн, счастлив познакомиться с вами. Надеюсь, путешествие не сильно вас утомило? — Не дожидаясь ответа, наверное, вопрос был риторическим, затараторил дальше: — Все уже готово к празднованию вашей помолвки. Гости начнут съезжаться ближе к вечеру, поэтому у вас и... — покосился на моих пребывавших в благоговейном экстазе родственниц (нечасто им доводилось лицезреть молодого, да еще и симпатичного дворянина) — ...и у ваших родных будет достаточно времени, чтобы отдохнуть перед балом.

«Все это, конечно, замечательно, но где же мой демонов (то есть с демоническим началом) жених?» — мысленно проворчала я, а вслух, тоже расплывшись в лучезарной улыбке, произнесла:

— Благодарю вас, месье де Лален. А скажите, разве его светлость не выйдет нас поприветствовать?

Месье перестал скалить зубы в гримасе фальшивой радости и проговорил с таким скорбным видом, словно у него на медни скончался кто-то из родни:

— По приказу его величества маркиз был вынужден срочно отбыть в столицу. Просил передать свои сожаления по этому поводу и обещал вернуться завтра ближе к вечеру. Самое позднее через два дня.

— То есть уже после нашей помолвки? — зачем-то уточнила я, краем глаза отмечая, что отец посерел, а маменька, до сих пор сиявшая, как второсортный алмаз, заметно скисла.

Шевалье развел руками, мол, хоть он и маг — судя по ярко-голубому, насыщенному цвету глаз, водной стихии, — но предъявить мне сию же минуту суженого не в его власти.

— Сейчас же прикажу, чтобы приготовили комнаты для ваших очаровательных дочерей, — расшаркался перед бароном де Лален, умудрившись при этом наградить комплиментом близняшек, наверняка уже не помнящих себя от счастья, и предложил лично показать нам дворец, а позже, если пожелаем, и парк с прудом.

Ступенька, другая... Я шла, не чуя своих ног, представляя, как уже этим вечером буду принимать поздравления от чужих, незнакомых людей, в совершенно чужом мне доме.

Одна, без инициатора сего безумства, в чьей поддержке я сейчас так нуждалась.

— Хороша-а-а, — похвалила выбор маркиза ведьма. Довольно причмокнула тонкими бескровными губами и покосилась на отражавшуюся в зеркальной глади красавицу, после чего вновь перевела взгляд на мага. — Только смотри не влюбись в нее, страж. Не отступи в последнюю минуту.

— Не отступлю, — прозвучал тихий, но твердый ответ.

Мужчина стоял, заложив руки за спину, и неотрывно смотрел на отражение той, которой вскоре должен был владеть безраздельно. Подернутое дымкой, словно тончайшей вуалью, зеркало тем не менее было не способно скрыть наготу его избранницы. Вот она вышла из бассейна, выложенного мозаикой кораллового цвета, мягко потянулась, сплетая за головой пальцы, тряхнула длинными, цвета безлунной ночи волосами, так контрастировавшими с ее матовой, точно фарфоровой, кожей.

Пусть богиня и не наделила Александрина магией, зато красоты отсыпала щедро.

Как и Серен.

Придется привыкать к новому лицу. Новому телу.

Такому ладному, соблазнительному... но совершенно ему чужому.

Девушка ле Фиенн была выше его покойной жены. Пышногрудая, с тонкой талией. С длинными прямыми волосами, целомудренно прикрывавшими упругие ягодицы, но не способными скрыть остальные прелести ее молодого, еще не знавшего мужской ласки тела.

— Думаешь, выдержит?

Не догадываясь, что за ней подсматривают, девушка не спешила облачаться в домашнее платье. Прохаживалась по просторной комнате, в центре которой поблескивал лазурью бассейн, а по углам в высоких канделябрах пламенели свечи. В их приглушенном мерцании капли воды, соблазнительно стекавшие по молочной коже его избранницы, казались расплавленным золотом. Манили, притягивали взгляд.

Александрина с любопытством рассматривала многочисленные разноцветные вазочки и хрустальные сосуды, наполненные солями и ароматными маслами. А Моран тем временем с таким же интересом, с каким его невеста изучала свои новые покои, изучал ее.

— Должна выдержать, — беспечно отозвалась старуха. — Она молода, здорова. Почему нет? В крайнем случае женишься в третий раз, — противно захихикала ведьма, довольная собственной шуткой.

Но на лице стража не отразилось и тени улыбки.

— Принес то, о чем я тебя просила? — деловито осведомилась колдунья, тщетно пытаясь вырвать гостя из мира грез.

Моран нехотя отвел взгляд от зачарованной глади зеркала. И то лишь потому, что девица ле Фиенн вдруг вспомнила, что прогуливается по купальне голой, и поспешила накинуть на плечи легкое струящееся одеяние — один из многочисленных подарков жениха к их грядущей свадьбе.

Теперь рассматривать Александрин было уже неинтересно.

Только сейчас де Шалон вдруг осознал, насколько соскучился по женскому телу. Чувственным поцелуям. Мгновениям страсти. Редкие встречи с Опаль были не в счет. Близость с ней не доставляла радости, не приносила эмоциональной разрядки, не притупляла боль.

Сделав себе пометку в памяти — по приезде в Валь-де-Манн переговорить с любовницей и удалить ее из своей жизни раз и навсегда, — маркиз положил на колченогий стол завернутый в батистовый платок локон жены. Рядом лег кулон из турмалина в изящной золотой оправе.

— Это все?

— Пока да. — Ведьма развернула платок, поднесла локон к огарку сальной свечи, и потускневшая прядь, словно напитавшись пламенем, засверкала.

Время и запретные чары не пощадили старуху Берзэ. Высохшая, словно мумия, сторбленная, с лицом, изборожденным глубокими морщинами, и уродливыми крючковатыми пальцами, она напоминала злую ведьму из детских сказок. Впрочем, таковой она и являлась — темной чародейкой, не гнушавшейся любой магии и бравшейся даже за самые грязные дела.

Прознай прислужники Единой, где обитает Берзэ, с радостью сожгли бы ее лачугу вместе с богоотступницей. Или чего похуже выдумали бы. На счастье старой колдуньи, у нее имелось немало могущественных покровителей. Поговаривали, что даже сама королева, долгие годы тщетно пытавшаяся зачать, не брезговала обращаться к Берзэ за помощью. Тайные свидания с ведьмой приносили свои плоды: ее величество уже третий раз была на сносях.

Правда, королевский первенец бесследно исчез сразу же после своего рождения, и монарх даже не пытался его отыскать.

Бросив в глубокую глиняную посудину локон, кулон маркизы и нечто, очень похожее на высушенные лягушачьи лапки, Берзэ окропила подношения стража кровью (Моран предпочел не интересоваться, чьей именно), зачем-то от души плюнула в миску и, поднеся ее к бесцветным губам, принялась шептать слова заклинания.

Мгновения складывались в минуты напряженного ожидания. Вот над сосудом всколыхнулся дым, чтобы уже в следующую секунду бесследно рассеяться.

— Теперь наберись терпения и жди, — протянула стражу кулон ведьма. Камень померк, из ярко-изумрудного превратившись в темно-багровый, напитанный чарами и жертвенной кровью. — Девчонка должна созреть для ритуала. Сейчас, погоди... — Старуха прошаркала в дальний угол комнаты, утопавший во тьме, которую не в силах было рассеять пламя одинокой свечи, и принялась звенеть какими-то склянками.

— Что значит созреть? — нахмурился де Шалон.

— То и значит, — донесся до него глухой дребезжащий голос. — Хорошо бы ей в тебя влюбиться. Да и ты не вздумай отбрыкиваться от ее ласк. Чем сильнее будет ее к тебе чувство, тем проще будет осуществить задуманное, страж. Пусть носит кулон не снимая. А это, — вернулась к гостю чародейка и сунула ему в руку небольшой пузырек, наполненный чернильного цвета жидкостью, — чтобы не тратили время на притирания. Велишь служанке добавлять ей по капле в еду. И тогда она сама будет искать твоего внимания. Ни о чем, кроме близости с тобой, не сможет думать.

Моран безропотно принял совет и зелье, хоть и считал, что в приворотном поиле нет нужды. Девчонка наверняка и так без ума от счастья и с радостью упадет, как созревшая груша, в его объятия в первую брачную ночь.

А он... Что ж, бегать от будущей женушки точно не станет. Пойдет на все, даже на близость с пустышкой.

Лишь бы получить то, о чем так долго мечтал.

ГЛАВА 3

— Это мое ожерелье!

— Нет, мамá разрешила надеть его *мне*! Отдай! Сейчас же отдай! — истерически взвизгнула Лоиз и для пущего эффекта топнула ногой. Потянула к себе несчастное украшение, которое вот-вот готово было рассыпаться аметистовыми горошинами по ковру.

Ожерелье это досталось нам от бабушки. Вернее, покойная баронесса завещала его Маржери, но сестре пришлось пожертвовать фамильной ценностью, так сказать, отделаться малой кровью. Иначе бы близняшки ее живьем съели.

— Да полно вам! — всплеснула руками нарисовавшаяся на пороге маменька. — Не дай Единая, еще испортите.

Увы, малолетние склочницы сейчас не слышали никого, кроме себя, ни одна не хотела уступить столь желанный трофей.

— Оно больше подходит к моим глазам! — решила на сей раз проявить твердость Соланж. Правда, аргумент, как по мне, привела так себе. Глаза-то у них одинаковые, светло-карие с золотыми крапинками, и, уж если на то пошло, сестрам больше бы подошли сережки и бусы из янтаря, которые я нашла в одном из многочисленных ларчиков, щедро пожалованных мне маркизом.

Хвастаться перед сестрами подарками от будущего мужа благоразумно не стала. Иначе точно бы передрались. Да и я пока считала себя не вправе распоряжаться всеми этими богатствами. Мало ли как все сложится.

Вот если бы его непонятная светлость был здесь и соизволил унять мое любопытство, быть может, я бы и успокоилась.

Тяжко вздохнула. Ответ на мои вопросы — роскошь, на которую, по-видимому, я пока не могла рассчитывать.

Близняшки тем временем продолжали спорить. Почему-то полем боя они выбрали именно мою спальню. Спасибо хоть дали возможность спокойно искупаться и осмотреться.

Интересно, эти покои раньше принадлежали Серен? Чудесная купальня, в которой я едва не потеряла счет времени, небольшая гостиная в мрачно-пурпурных тонах и так контрастировавшая с ней светлая спальня с невероятно широкой кроватью, изголовье которой пряталось в алькове. Тяжелый полог отливал золотом, скрывая от любопытных глаз поистине королевское ложе.

Наверное, одной на таком будет одиноко спать...

До боли закусив губу, отругала себя за nepозволительные для воспитанной девицы мысли. Картина, на короткий миг мелькнувшая перед глазами, сулила что угодно, только не одиночество. В последнее время образ мессира стража, которого видела лишь однажды и который почему-то прочно поселился в моей памяти, будоражил, заставлял сердце учащенно биться, странным томлением наполнял каждую клеточку моего неискушенного в ласках тела.

И самовнушение, что замуж за напыщенного вдовца мне совсем не хочется и делаю я это только по доброте душевной, ради сестер, больше не помогало.

— Угмонитесь! Обе! — в кои-то веки прикрикнула на своих любимиц баронесса, спугнув взявшие в осаду мой разум видения, и отобрала-таки чудом уцелевшее ожерелье. — Не у вас же сегодня помолвка. Оно идеально подойдет к бальному платью Александрин. Я его уже видела. Чудесный наряд!

Близняшки надулись, словно бурундучки, недобро покоились в мою сторону и завистливо завздохали, рисуя в воображении чужое платье.

Вскоре явилась служанка с тем самым чудесным нарядом.

Баронесса не солгала, ожерелье вписывалось в образ невесты идеально. Верхнее распашное платье оказалось насыщенного сиреневого цвета, навеявшего воспоминания о лавандовых, оттененных закатным солнцем, полях. Эх, жаль, что сейчас не лето... Расшитая золотом ткань мягко переливалась в лучах неяркого солнца, проникавшего в спальню сквозь высокие стрельчатые окна. Тончайшая паутинка кружев украшала лиф, пышными волнами обрамляла рукава,

удачно сочетаясь цветом с фрепоном — нижним платьем, богато расшитым по подолу.

Отпустив служанку, ее милость лично помогла мне собраться, после чего под обиженное сопение близняшек, тоже жаждущих материнского участия, занялась моей прической. Расчесала волосы на прямой пробор, пышно взбила над висками. Скрепила тяжелые локоны изящной заколкой, оставив несколько завитков свободно струиться по спине и плечам.

— Жаль, что его светлость так неожиданно вызвали в Навенну, — удовлетворенно осматривая результаты своих стараний, сказала баронесса. — Он бы дара речи лишился, увидев тебя.

Я грустно улыбнулась. Вечер обещал быть... странным. Прежде мне не доводилось слышать о помолвке без жениха, тем более на ней присутствовать. Да еще и в качестве невесты.

Долго отбивалась от попыток маменьки посадить мне над губой пикантную черную мушку. Видите ли, нынче модно цеплять их куда ни попадя, и я просто обязана идти в ногу со временем. Больше всего ее милость опасалась, что нас примут за невежественных провинциалок.

Как будто не понимала, что, с мушками или без, для здешней знати мы — никто. Не ровня маркизу и его окружению.

Мама́ уже почти выиграла сражение, и младшенькие ей в этом старательно помогали, когда, на мое счастье, явился отец. Велел супруге и близняшкам скорей идти прихорашиваться, потому как гости уже начали съезжаться. А сам, наградив меня теплой улыбкой и отпустив комплимент, отправился на бокальчик вина к шевалье де Лалену.

И снова я осталась одна.

К сожалению, ненадолго. Вскоре вернулись принаряженные Соланж и Лоиз и потащили меня к слетевшимся на пир стервятникам... извиняюсь, гостям, изнывавшим от желания лицезреть избранницу господина стража.

В последний раз поймав в зеркале свое отражение, тревогу, застывшую в голубых глазах, отправилась вниз. Преодолевая ступени устланной ковром лестницы, ведущей в про-

сторный холл, вслушивалась в доносившиеся из бальной залы голоса. Веселый гомон переплетался с пленительными звуками лютней и флейт. Звонком бокалов, наполненных терпким вином.

Эти края славились плодородными виноградниками, оттого папеньке так не терпелось поднять себе настроение, другими словами, заняться дегустацией здешних напитков. Главное, чтобы не додегустировался до состояния, когда с праздника его придется выносить заботливым слугам. Увы, такое уже случалось.

Самым волнительным оказался момент, когда передо мной распахнулись широкие двери. Музыка оборвалась и собравшиеся дружно повернули головы в мою сторону. Тишина воцарилась такая, что, казалось, пролети муха, ее жужжание нас оглушит.

Не чувствуя под собой ног, сделала неуверенный шаг, за ним другой. Ощущая на себе липкие, словно патока, изучающие взгляды, точно королева, всходящая на эшафот, я пересекла зал. Казалось, ему не будет конца и сил не хватит достичь кресла во главе пиршественного стола.

Хотелось зажмуриться, а лучше — развернуться и убежать. Немалых усилий стоило задушить в себе этот малодушный порыв и с высоко поднятой головой, практически не дыша, чему в немалой степени способствовала маменька, от души затянув корсет, я все-таки добралась до своего «трона».

Облегченно выдохнула, заметив молодого шевалье, что встречал нас утром. Де Лален умело переключил внимание собравшихся на себя. Произнес короткую торжественную речь, рассыпался в комплиментах перед «самой прекрасной невестой во всем Вальхейме», чем вызвал скептические усмешки у некоторых дам. Спасибо, хоть попытались скрыть их за кружевными веерами.

Пригласив гостей к столу, шевалье устроился со мной рядом. Родителям и сестрам достались места на другом конце стола.

Днем мне кусок в горло не лез, да и сейчас особого голода не испытывала. Зато гости не страдали отсутствием аппети-

та и, словно саранча на пшеничном поле, опустошали ломящийся от яств стол. Чего тут только не было: фазаны и бекасы, поданные в собственных перьях, молочный поросенок, фаршированный яблоками, нежнейшее филе косули с заморскими специями и многое, многое другое. Одни блюда сменялись другими, еще более изысканными. Уже не говорю о льющихся рекой винах всех сортов и оттенков, от насыщенного багряного до нежно-золотистого.

— Месье де Лален, — начала было я.

— Зовите меня просто Касьен, — очаровательно улыбнулся молодой человек и, склонившись ко мне, с заговорщицким видом проговорил: — Моран локти будет кусать от досады, когда поймет, *что* пропустил. Словами не передать, какое это наслаждение любоваться вами, мадемуазель Александрин. — Взгляд шевалье утонул в глубоком вырезе моего платья. Видно, большее эстетическое наслаждение маг получал не от любования моими нежными чертами лица, а от созерцания тех прелестей, что сейчас томились в тисках корсета.

— Будем надеяться, что мессир маркиз будет иметь такую возможность на нашей свадьбе. Если, конечно, опять не возникнут непредвиденные обстоятельства и не помешают ему присутствовать на ней лично, — не сдержавшись, буркнула я.

Шевалье усмехнулся в свои тоненькие, словно ниточки, закрученные кверху усы.

— Расскажите, месье де Лален, кто все эти люди, — попросила я, желая отвлечься от мыслей о чрезвычайно занятом женихе и своей на него обиде. — С удовольствием послушаю об окружении его светлости. Начнем вон с той белокурой дамы, что не сводит с меня глаз, — указала я на нимфу в светлом воздушном платье.

Поняв, что ее пристальное внимание не осталось незамеченным, сероглазка опустила голову и сделала вид, что увлечена распиливанием антрекота.

Улыбка на лице Касьена вдруг померкла. Или мне показалось, или он занервничал.

Быстро проговорил:

— А, это... Мадемуазель Опаль, дочь графа де Вержи. Они с маркизом соседствуют. Рядом с мадемуазель де Вержи сидит... — спешно переключился мой гид на другого гостя, а я вновь почувствовала на себе пристальный, изучающий взгляд серых холодных глаз.

После затянувшегося застолья пришло время танцев, которые я всегда любила. Любила отдаваться во власть чарующих звуков музыки, что рождались от прикосновений умелых пальцев менестрелей к струнам лютни и арфы.

Даже любопытные, оценивающие, а иногда и насмешливые взгляды, которые ловила на себе на протяжении всего вечера, не могли заставить меня усидеть на месте. Только не тогда, когда вокруг разворачивается такое веселье. Тем более что месье де Лален, воспользовавшись правом близкого друга жениха, решил украсть у меня первый танец, с милой улыбкой заявив, что с удовольствием украл бы и первый поцелуй.

Спасибо, хоть не первую брачную ночь.

Останавливала ретивого шевалье лишь боязнь получить оплеуху от ревнивца-стража.

На какое-то время тревога и волнение отступили. Я наслаждалась каждым мгновением, дарила беззаботные улыбки своим кавалерам, от которых не было отбоя. Почему-то каждый кавалер Гавойи, этого солнечного, плодородного края, сегодня жаждал получить хоть толику моего внимания.

Стоит отметить, близняшки тоже были нарасхват. С царственным видом принимали комплименты от толпившихся вокруг них разряженных щеголей, время от времени удаивая кого-нибудь из счастливичиков чести станцевать с ними очередную гальярду или принести бокал с освежающим напитком.

Мамá хмелела от счастья, любуясь своими кровиночками, папá — от сладких вин, успешно воплощая в жизнь мое недавнее опасение.

Сейчас в зеркалах, которыми были обильно украшены стены зала, отражалась счастливая невеста. На какой-то миг

я даже почти поверила, что все эти важные сеньоры в скором времени станут мне добрыми друзьями, роскошный дворец — домом, а его хозяин, с которым я еще не имела чести познакомиться, — любящим мужем.

Наверное, шальные мысли, полные радостного возбуждения, рождались под воздействием коварных напитков. Всего пары бокалов хватило, чтобы утратить привычную мне рассудительность, приправленную изрядной долей скептицизма.

Нет, сегодня я не буду грустить и переживать! Не буду вспоминать о Серен и о чувствах, что когда-то, а может быть, и сейчас, испытывал к ней страж.

Сегодня буду просто наслаждаться праздником, устроенным в мою честь, и верить в лучшее.

Прохладный весенний ветер, проникая в зал через распахнутые настежь двери, что вели в сад, приятно охлаждал лицо. На щеках горел румянец от веселья и быстрых танцев. И когда объявили, что всех приглашают отведать десерт, я даже вздохнула с облегчением. Еще одну гальярду или ригодон я бы точно не выдержала.

Столы со сладостями — всевозможными пирожными и засахаренными фруктами — накрыли во внутреннем двореке, в центре которого красовался фонтан из белого камня, а пол пестрел мозаикой.

Все тот же шевалье де Лален представил меня двум пожилым матронам, с которыми завязалась почти непринужденная беседа. Потом я пообщалась с графом де Вержи, чья белокурая дочь за вечер чуть не просверлила во мне дыру своим взглядом.

Вскоре очаровательная наследница присоединилась к нам. Сжимая изящными пальчиками тонкую ножку бокала, до краев наполненного рубиновой жидкостью, Опаль, казалось, мне приветливо улыбнулась. Я же почему-то в ее искренность не поверила. Глаза не обманывают, а они были холодны, как зимняя стужа.

— Прошу прощения, — поспешил откланяться его сиятельство, заметив среди осаждавших столы гостей пышноте-

лого господина, судя по темной одежде и золотому знаку Единой на груди, представителя местного духовенства.

Мы остались с Опаль наедине.

— Чудесная вышла помолвка, — пригубив вина, сказала девушка и добавила с наигранной печалью в голосе: — Жаль, что без жениха. Надеюсь, Моран не сбежит от вас накануне свадьбы. Было бы забавно. Вернее, я хотела сказать печально, — брызнула ядом мадемуазель.

Сердце кольнула неприятная догадка.

— Со своей стороны обещаю сделать все возможное, чтобы его светлости даже в голову не пришла подобная глупость, — поспешила заверить язву. — Я окружу его такой заботой и лаской, что он всецело растворится в моей любви.

— Только не переусердствуйте, — подавшись ко мне, сквозь зубы процедила девушка. — Моран не любит слишком назойливых.

— Буду иметь в виду. Спасибо, что поделились опытом, — отбила я пас и, копируя ледяную красавицу, холодно ей улыбнулась.

Пусть лучше скулы сведет от гримасы «радости», чем эта хищница догадается, как сильно меня задела ее слова.

Опаль тоже не спешила выходить из образа радушной знакомой, умело маскировала свои истинные чувства. Благо хоть советами больше не донимала.

Лишь не преминула позлорадствовать на прощанье:

— Хочется верить, что в лице маркиза вы найдете то, о чем мечтает каждая женщина, — любимого, которому с радостью отдадите свое сердце. Жаль только, сердце мессира де Шалона всегда принадлежало и будет принадлежать другой. — Девушка подняла бокал, словно собиралась произнести тост в мою честь. — А вообще, как уже сказала, чудесная помолвка. Наслаждайтесь праздником, Александрин. Пока еще есть такая возможность.

Увы, после всего услышанного наслаждаться мне резко перехотелось. Опаль ушла, оставив меня в растрепанных чувствах. Тревога снова упала камнем на сердце. А вместе с ней в душе поселилось и иное, доселе незнакомое чувство.